

Ночь укрыла посёлок. В полумраке извилистых переулков изредка раздавалось сиротливое кошачье мяуканье. Под зыбким лунным светом скользили безмолвные тени, сливаясь со стенами домов; лишь это злобещее движение да едва различимый шорох крадущихся шагов выдавали чьё-то присутствие.

Черепица едва слышно звякнула. Цинь Шо первым взлетел на крышу и мгновенно окутал себя духовной силой, растворяясь в темноте. Полагаясь на тусклые отсветы, тянувшиеся из соседних дворов, он замер в ожидании. Нужно было во что бы то ни стало выследить свадебный паланкин, который должен остановиться у дома бабушки Лю.

В Посёлке Учжэнь они пробыли всего ничего. Бабушку Лю они мельком увидели лишь раз, когда та сворачивала в переулок, и теперь даже не представляли, где именно находится её лачуга.

— Перед уходом Цзян Юэ так настойчиво расспрашивал, куда ты направляешься.

Шорох одежды выдал приблизившегося Сун Ваньчэня. Его голос звучал спокойнее, чем днём, но в нём всё ещё сквозило недоверие.

— Неужели ты так и не расскажешь ему, что мы замыслиаем сегодня ночью?

Цинь Шо всматривался в переплетение тёмных улочек неподалёку — где-то здесь они проходили в свой первый день в Посёлке Учжэнь. Отвечать на каверзные вопросы не хотелось. Не отрывая взгляда от глухих тупиков, он бросил вполголоса:

— Я сказал, что мы идём на храмовую ярмарку. Расспрашивать дальше он не стал. Об этом деле должны знать только мы двое. Ни к чему впутывать посторонних.

При слове «посторонний» Сун Ваньчэнь удивлённо приподнял бровь и негромко усмехнулся:

— Вот как. Значит, ты и сам понимаешь, кто он такой.

Его настроение мгновенно улучшилось. Глядя на сосредоточенное лицо спутника, Ваньчэнь спрятал глубоко укоренившуюся гордыню и пошёл на примирение, что случалось с ним крайне редко:

— Не принимай близко к сердцу то, что я наговорил в комнате. Я вспылил лишь потому, что беспокоюсь о тебе.

В его глазах, темневших в лунном свете, дрожал силуэт Цинь Шо. Казалось, Ваньчэнь жаждал без остатка растворить его в себе, подчинить своей воле. Голос его упал до едва различимого шёпота:

— В последнее время я места себе не нахожу. То изнываю от тревоги за тебя, то готовлюсь к грозовой скорби, которая может разразиться в любой миг. Поверь, старейшины Пика Вечной Разлуки давят на меня не меньше, чем верхушка Безжалостной обители на своих учеников. Все они спят и видят, как новый Почтенный стадии Великого Объединения встанет на защиту нашего ордена. Но обычным затворничеством здесь не обойтись — до начала Собрания бессмертных мне ни за что не совершить прорыв, если я буду просто сидеть в четырёх стенах...

Цинь Шо уловил скрытый подтекст, но не придал ему значения. Вглядываясь в очертания домов, он машинально обронил:

— Разве у тебя есть иной способ укрепить свои силы, кроме медитаций?

Ваньчэнь промолчал, спрятав недосказанные слова в глубине мрачного взгляда.

Прошло немало времени, прежде чем он снова заговорил:

— Как бы то ни было, А-Шо... И этот лис, и внезапно объявившийся Цзян Юэ преследуют свои корыстные цели. Верить им нельзя. Единственный, на кого ты можешь положиться — это я.

Ночь неумолимо сгущалась. Не желая затевать бессмысленный спор в такой момент, Цинь Шо лишь вяло отмахнулся:

— Хорошо... Пусть будет по-твоему.

Но Сун Ваньчэню этого показалось мало. Схватив юношу за руку, он требовательно заглянул ему в глаза:

— Ты всё ещё злишься на меня?

В этот момент краем глаза Цинь Шо заметил, как из правого переулочка выплыли очертания паланкина. Мгновенно подобравшись, он мягко, но решительно высвободил запястье и бросил, не оборачиваясь:

— У тебя всегда был непростой нрав, чего уж там. Я не сержусь.

Лишь тогда Ваньчэнь успокоился. Уголки его губ тронула едва заметная улыбка. Сбросив напускное напряжение, он устремил взор туда же, куда смотрел его спутник — на крадущийся внизу паланкин.

Свадебные носилки медленно продвигались по извилистым лабиринтам Посёлка Учжэнь, петляя среди глухих стен, пока наконец не замерли у ворот неприметного подворья.

Дюжина уездных стражников слаженно разделилась на два отряда, беря дом бабушки Лю в плотное кольцо. Паланкин нагло перегородил парадный выход. Старший среди конвоиров подошёл к ветхим дверям и грубо забарабанил кулаком. Изнутри не донеслось ни звука. В окнах не горело ни единого огонька — дом казался совершенно вымершим.

Вламываться силой стражники опасались: уездный начальник не хотел лишних толков среди местных жителей. Но и запершиеся внутри беглецы не спешили открывать. Служивые хмурились, понимая, что глупо стоять посреди ночи у порога, заблокировав проход. Возникла напряжённая пауза.

— Спереди всё оцеплено. Придётся зайти с тыла.

Сун Ваньчэнь, скользнув взглядом по крышам, бесшумно спустился пониже. Цинь Шо сразу понял его замысел: скрытное проникновение было сильной стороной его спутника.

Две тени стремительно и беззвучно пронеслись над заснувшим посёлком. Миновав несколько соседних крыш, они скользнули в тёмный задний двор, где не было охраны. Прижавшись к стене у запертого окна, юноши затаили дыхание. Как только голоса стражников у парадного вежливо утихли, Цинь Шо осторожно постучал по раме.

Находящаяся внутри старушка, очевидно, навалилась всем телом на засов. Понимая, что это её последний рубеж, она закричала надрывным, срывающимся голосом:

— Убирайтесь! Все убирайтесь вон! Никому не отдам мою Цай-эр! Только суньтесь сюда — я разобью себе голову о косяк, так и знайте!

У ворот слышалось недовольное ворчание стражников:

— Ишь, старая карга, вздумала нас пугать...

— Ладно тебе, не связывайся с ней. Пойдём присядем на лавке у дороги. Посмотрим, на сколько её хватит.

Когда шаги у парадного крыльца затихли, до слуха Цинь Шо донеслись тихие, полные отчаяния всхлипы. Не в силах терпеть это, он снова постучал в стекло и негромко позвал:

— Бабушка Лю.

— Кто там?! — вскинулась перепуганная старуха и, подскочив к раме, закричала ещё громче:
— Прочь! Кто вам позволил сюда лезть?! Ироды, сумасшедшие палачи... Не видать вам моей девочки! Убирайтесь, убирайтесь вон!

Опасаясь, что её крики привлекут стражу, Цинь Шо торопливо воздвиг вокруг окна невидимый барьер из духовной энергии и мягко произнёс:

— Полно вам, тише. Мы не из управы. Мы...

Договорить он не успел. Сун Ваньчэнь прижал ладонь к его плечу, призывая замолчать, и уверенно перебил:

— Нас прислал уездный начальник. Девушке Цай-эр больше не нужно идти на эту проклятую службу. Господин уездный начальник нашёл другую замену.

В комнате мгновенно воцарилась тишина. Спустя мгновение послышался дрожащий, надтреснутый голос:

— Правда?.. Ох, неужто правда? Моей Цай-эр не придётся идти на съедение этим горным тварям?

Старушка всхлипнула, но тут же добавила со скорбным вздохом:

— Но... если заберут чужую дочь, это ведь тоже гибель...

— Бабушка Лю, разговоры потом. Впустите нас скорее, нужно забрать свадебный наряд.

Стоило Сун Ваньчэню упомянуть платье, как доверие старухи испарилось.

— Ишь чего удумали! — всполошилась она, вновь исполняясь подозрений. — Решили выманить меня, чтобы девчонку силой утащить?!

Цинь Шо хотел было мягко разубедить её, как вдруг из глубины комнаты донёсся робкий девичий голосок:

— Бабушка, открой им.

Этот тихий шёпот показался Цинь Шо смутно знакомым, но в то же время неуловимо чужим, не похожим на те обрывки воспоминаний, что хранились в его душе.

— Цай-эр... — вздохнула старушка.

Поколебавшись ещё мгновение, она уступила просьбе внучки и с тихим скрипом распахнула створки окна.

Огарок свечи на столе неохотно разогнал темноту. Когда юноши бесшумно проскользнули внутрь, настороженная хозяйка дома вгляделась в лицо Цинь Шо и внезапно замерла. Она долго, не моргая, смотрела на него, словно не веря собственным глазам, а затем судорожно вцепилась в его рукав. Её пальцы мелко дрожали.

— Да неужто... Это ведь ты спас тогда нашу Юнь-эр? Но как же так... Прошло ведь больше десяти лет! Наш спаситель не мог остаться столь юным...

Цинь Шо в замешательстве обернулся к забившейся в угол Цай-эр. Стоило ему встретиться взглядом с этой пугливой, чистой душой, как перед мысленным взором вспыхнула картина: точно такие же искрящиеся, полные беззаботного веселья глаза.

«Братик...» — далёкий детский голосок фантомом отозвался в ушах, смешиваясь с нарастающим звоном.

В виски ударила резкая, разрывающая боль. Стиснув зубы и глубоко вонзив ногти в ладони, Цинь Шо заставил себя оборвать эти воспоминания, боясь выказать слабость перед испуганными женщинами.

В этот момент на стол с глухим стуком лёг увесистый мешочек.

— Здесь достаточно серебра, чтобы вы могли навсегда уехать из Посёлка Учжэнь и устроиться на новом месте, — спокойно произнёс Сун Ваньчэнь. — Мы отвлечём стражу. Как только паланкин скроется из виду, забирайте пожитки и бегите.

Старушка совсем растерялась. Она переводила непонимающий взгляд со стола на неожиданных гостей:

— Но как же так... Вы ведь сказали, что служите уездному начальнику? К чему тогда всё это?..

Со стороны улицы снова раздался яростный стук в ворота, сопровождаемый грубыми криками конвоиров:

— Слышь, старая! Не гневи судьбу! Если из-за твоего упрямства мы упустим благоприятный час, пеняй на себя! Живьём сдерут шкуру!

— Простите нас, — преодолевая тупую боль в голове, поспешил объясниться Цинь Шо. — Нам пришлось солгать, чтобы вы открыли. Мы хотели всё растолковать без спешки, но времени совсем не осталось. У дверей караул, и медлить нельзя.

Он мягко вложил тяжёлый мешочек с монетами в дрожащие руки старушки.

— Если вы доверитесь нам, спрячьте Цай-эр прямо сейчас. Пусть уездные заберут пустой паланкин. Когда они уйдут, берите деньги и немедленно уезжайте из этих мест.

— Но как же... — Старуха прижала богатство к груди, растерянно поглядывая то на одного юношу, то на другого. — Если Цай-эр спрячется, кого же они унесут в паланкине?

Цинь Шо лишь мягко улыбнулся. Будто предвидя этот вопрос, он указал на висевшее на стене мутное зеркало:

— Взгляните туда, бабушка Лю.

Послушно повернув голову, старушка охнула и отступила на шаг. Из запylённого зеркального стекла на неё глядела невеста в алом подвенечном платье, чьё лицо скрывала плотная расшитая накидка. Но когда потрясённая женщина оглянулась, перед ней по-прежнему стоял статный молодой человек.

— О пресветлые предки... — выдохнула она, лишаясь дара речи. — Да кто же вы такие?..

— Обычное колдовство, — небрежно обронил Сун Ваньчэнь. — Не бойтесь, вреда мы вам не причиним.

Слова заклинателя подействовали успокаивающе, и тяжкий груз, давивший на сердце несчастной женщины, наконец спал. Приняв решение, она прерывисто вздохнула. Посмотрев на сжавшуюся в углу внучку, а затем — в честные, решительные глаза Цинь Шо, старушка твёрдо произнесла:

— Будь по-вашему... Терять нам всё равно нечего. Уж лучше довериться вам, чем безропотно идти на плаху.

Огонёк свечи в лачуге тревожно дрогнул и погас. Снаружи слышался глухой треск — терпение стражников окончательно лопнуло.

— Эй, старая карга! Долго мы ещё тут сырость собирать будем?! Открывай, не то выломаем дверь и вытащим девку за волосы!

Дверь наконец со скрипом приоткрылась, и на порог, мелко семеня, вышла плачущая старушка.

— Иду, господа почтенные, иду... — запричитала она, утирая слёзы краем передника. — Поймите вы старую, одна внученька у меня осталась, кровиночка... Хотелось напоследок наглядеться на неё. Да против воли господина уездного начальника не пойдёшь... Ступай бережно, милая, под ноги смотри, тут камни скользкие... Дальше мне ходу нет, Цай-эр. Прощай...

Пошатываясь под тяжестью нахлынувшего страха, старушка вывела невесту за ворота. Тотчас их обступили хмурые стражники. Под их липкими, оценивающими взглядами бабушка Лю похолодела от ужаса. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, а каждый вдох давался с неимоверным трудом.

Она искоса взглянула на невесту. В её глазах это по-прежнему был высокий, статный юноша, но стражники, копошившиеся вокруг паланкина, видели лишь хрупкую девичью фигуру. Похоже, чары действовали безупречно. Облегчённо вздохнув, конвоиры грубо потащили новоиспечённую «невесту» к носилкам.

— Давно бы так, — проворчал один из них, запахивая потрёпанный форменный халат. — Из-за твоих капризов у нас едва уши не отмёрзли на этом сквозняке.

— Поднимай! — зычно звякнула команда старшего.

В тишине ночи внезапно загрели литавры и заскрежетали трубы. Фальшивый, оглушительный свадебный марш покатился по заснувшим улицам Посёлка Учжэнь. Процессия тронулась с места, унося паланкин всё глубже в вязкую темноту извилистых переулков, пока унылые звуки флейт окончательно не растворились в ночи.

Бабушка Лю долго смотрела вслед ушедшей процессии, не смея утереть катившиеся по щекам слёзы. Из темноты бесшумно соткался силуэт Сун Ваньчэня. Проводив взглядом скрывшийся за поворотом паланкин, он негромко произнёс:

— Не бойтесь за него, он со всем справится. Собирайте вещи. Я выведу вас из города.

Ворота тихо скрипнули, впуская внутрь полосу холодного лунного света. С высоты птичьего полёта эти заброшенные улочки казались лишь крошечным, затерянным в темноте лоскутком древнего Посёлка Учжэнь.

В вышине сиял безупречно круглый лик луны. На одной из дальних крыш сидел юноша, задумчиво поглаживая прижавшегося к нему крошечного чёрного пёсика. Его взгляд был устремлён к далёкому горному склону, где едва заметной змейкой тянулись огни свадебного кортежа.

— Цюцю, — едва слышно прошептал он, зарываясь пальцами в мягкую шёрстку. — Ты ведь веришь ему? Как думаешь...

Он замолчал, ловя губами прохладный ночной ветер, прежде чем закончить мысль:

— Неужели это он убил моего брата?

<http://bllate.org/book/20094/1998525>